

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

ORIENTALIA

**SUFISM
AND THE MUSLIM
SPIRITUAL TRADITION:**

**Texts, Institutions,
Ideas and Interpretations**

**St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers
St. Petersburg
2015**

**СУФИЗМ
И МУСУЛЬМАНСКАЯ
ДУХОВНАЯ ТРАДИЦИЯ:**

**тексты, институты,
идеи и интерпретации**

**Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2015**

УДК 297
ББК Э383

Редакционная коллегия:

А. Д. Кныш (ответственный редактор; Университет Мичигана и Санкт-Петербургский Государственный университет), *Д. В. Брилёв* (Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев), *О. А. Ярош* (Институт философии им. Г. С. Сковороды НАН Украины, Киев)

Суфизм и мусульманская духовная традиция: тексты, институты, идеи и интерпретации. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. — 336 с. (Orientalia)

Сборник статей «Суфизм и мусульманская духовная традиция» посвящен такому многогранному, спорному и яркому феномену мусульманской духовно-практической традиции, как суфизм, — его текстам, институтам, идеям и интерпретациям.

Сборник рассчитан на самый широкий круг читателей, интересующихся духовной культурой и практикой мусульман, историей суфизма и его современным состоянием.

Edited by:

Alexander Knysh (University of Michigan and St. Petersburg State University),
Denis Brilyov (National Pedagogical University named after M. P. Dragomanov,
Kiev), *Oleg Yarosh* (Institute of Philosophy named after G. S. Skovoroda,
The National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev)

Sufism and the Muslim Spiritual Tradition: Texts, Institutions, Ideas and Interpretations. — SPb.: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2015. — 336 p. (Orientalia)

“Sufism and the Muslim Spiritual Tradition” explores the complex and occasionally controversial phenomenon of Islamic theory, culture and practice known as “Sufism”. The chapters assembled in this book discuss Sufi texts, institutions, rituals, and discourses as well as related phenomena of Muslim cultural and spiritual life in the past and today.

ISBN 978-5-85803-480-3

9 785858 034803

© Коллектив авторов, 2015

© Петербургское Востоковедение, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов	6
Предисловие (А. Д. Кныш)	8
Передача духовного опыта и религиозного знания	
К. Гасымов. Ибн Таймийа о «Послании о суфийской науке» ‘Абд аль-Карима аль-Кушайри	12
А. А. Хасавнех. Об одной <i>марсие</i> на смерть шайха Мухаммад-Закира Камалова	53
Ш. Ш. Шихалиев. Агиографическо-биографические сочинения дагестанских шайхов Шу‘айба аль-Багини и Хасана аль-Кахи	70
Г. Камбарбекова. «Ламахат мин нафахат аль-кудс» как источник по истории тариката Ясавийа и Средней Азии	92
А. К. Бустанов. Священные родословные и межрегиональные связи мусульман Северной Евразии: история семьи Шиховых в XVII—XX вв.	106
К. П. Трофимова. «Божьи люди»: традиция почитания «святых» в цыганской среде на Балканах	126
Идеи и интерпретации	
А. Д. Кныш. «Что в имени?» Определение суфизма как эпистемологическая и идеологическая проблема.	157
С. А. Нестерова. Семантика божественного в суфийском учении Джалал ад-дина Руми	176
Е. А. Реутов. Символика поэмы Малика Мухаммада Джаяси «Падмават» в контексте индо-мусульманского культурного синтеза (попытка интерпретации суфийского поэтического текста)	190
О. А. Ярош. Интерпретации концепции <i>вахдат аль-вуджуд</i> в академической философии Индии в первой половине XX века	208
Институты и практики	
П. С. Шаблей. Распространение <i>накибандийа-муджаддидийа</i> в Казахской степи в XIX в.	227
И. Г. Саетов. «Джамаатизация» тарикатов в республиканской Турции: трансформация мусульманских общин в ответ на вызовы модерна	240
В. В. Цибенко. Тарикат <i>хакканийа (раббанийа)</i> : современный суфизм неоосманского образца	258
Д. В. Брилёв. Политизация суфизма в контексте Арабской весны	276
Указатель имен собственных	294
Предметный, географический и тематический указатель	303
Сведения об авторах	320

ОТ РЕДАКТОРОВ

Ввиду того, что собранные в настоящей книге эссе (главы) основаны на источниках, написанных на разных языках ислама (арабском, персидском, турецком, тюркских, индийских и т. д.), редакторы не стремились во что бы то ни стало свести написание географических названий и собственных имён, а также терминов к единой системе. Варианты написания одних и тех же иноязычных слов, использованных авторами глав этой коллективной работы, даны в круглых или, реже, в квадратных скобках. Все они включены в индексы с перекрёстными ссылками. В большинстве статей даты приводятся исключительно по христианскому летосчислению (н. э.) с целью «облегчения» текста для читателя-неспециалиста. В главе, написанной К. Гасымовым, даты даны как по мусульманскому, так и по христианскому календарю. Иноязычные термины почти всегда даны курсивом при первом упоминании, за исключением тех, которые используются на протяжении всего текста книги и практически всеми авторами (например, *тарикат* в значении ‘суфийское братство’ или ‘суфийский орден’; *джама* ‘*ат/джамаат* в значении ‘[локальное] мусульманское сообщество’ или ‘община’; *шайх* в значении ‘суфийский старец’ или ‘суфийский наставник/учитель’). В то же время слово *умма* в значении ‘всемирное мусульманское сообщество’ или ‘мусульманская нация’ всегда даётся курсивом. Арабские буквы *хамза* и ‘*айн* в именах и терминах передаются одинарными кавычками: ’ для *хамзы* и ‘ для ‘*айна*. Русские падежные окончания в терминах не курсивятся. В арабских именах слово «сын» (*ибн*) иногда выписывается полностью, а иногда даётся в сокращённом варианте как «б.».

Редакторы благодарят фонд «Открытое общество» (OSF) в Будапеште за финансовую поддержку серии летних школ по исламоведению и религиоведению, включая семинар по проблемам изучения суфизма в Киеве 30 апреля 2012 г. Материалы этого семинара легли в основу настоящего сборника. Особая благодарность — Институту философии им. Г. С. Сковороды НАН Украины и Институту философского образования и науки Национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова, выступившим инициаторами и организаторами этого семинара. Окончательное редактирование текста было осуществлено на базе Лаборатории анализа и моделирования социаль-

ных процессов при Санкт-Петербургском государственном университете, руководству которого главный редактор А. Д. Кныш выражает свою глубокую признательность за поддержку российского исламоведения.

Средства для публикации этого коллективного исследования были любезно и щедро предоставлены руководством Общественного культурно-просветительского центра «Тавасуль» из г. Грозный (Чеченская Республика), которому редакторы глубоко признательны за помощь в этом важном для академической науки и мусульманской культуры деле.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Традиция является постоянным элементом [человеческой] свободы и истории как таковой. Даже самая аутентичная и устойчивая традиция не может существовать исключительно благодаря инерции данного ей когда-то толчка. Она нуждается в постоянном подтверждении, принятии и развитии. [И вместе с тем] в каждой исторической перемене неизменно присутствует импульс сохранения [традиции]... Сохранение не в меньшей мере является актом свободной воли [людей], чем революция и обновление.

Г.-Г. Гадамер¹

Жизнь человека в цивилизованных её проявлениях заключается в обретении жизненного опыта и знания и передаче их другим людям доступными ему средствами. Человек учится на опыте своих предшественников. При этом обмен опытом и знаниями всегда осуществляется в определенных обстоятельствах и посредством конкретных действий. Выражаясь научным языком, он происходит в данном социально-политическом и культурном контексте, который решающим образом определяет характер этой передачи, т. е. характер общения между людьми. В настоящем сборнике этот контекст является мусульманским, или, если несколько сузить тематический фокус, преимущественно мусульманско-суфийским. Впрочем, большинство представленных в сборнике исследований свидетельствует о проблематичности такого рода узкой тематической фокусировки. Суфизм, который обычно определяют как аскетическо-мистическое течение в исламе², предстаёт в исследованиях, собранных под обложкой настоящей книги, как часть куда более широкой системы координат.

---

¹ Gadamer, H.-G. *Truth and Method*. New York, 1984. С. 250 (перевод мой. — А. К.).

² Вопрос о различных определениях суфизма рассматривается в моем эссе «Что в имени?», опубликованном в настоящем сборнике, что избавляет меня от необходимости останавливаться на нём в настоящий момент.

О том, что сфера бытования суфизма не ограничивалась параметрами собственно мусульманского социума, свидетельствуют, в частности, главы, написанные А. Г. Бустановым, А. А. Хасавнех, П. С. Шаблеем, Ш. Ш. Шихалиевым. Основываясь на неизвестных или малоизвестных рукописных источниках, эти исследователи внимательно анализируют фиксацию, сохранение и передачу мусульманского опыта/знания, коллективной памяти и цепочек духовной преемственности в контексте российского колониального и имперского правления. Этот контекст не мог не наложить глубокого отпечатка на то, как именно мусульманские авторы и мыслители подавали и истолковывали свои опыт и знание. Другим примером присутствия суфийских тем вне рамок собственно мусульманской общины является написанная Е. Реутовым глава, в которой суфийские идеи о смысле человеческого бытия и любви к Богу-Истине развиваются в контексте диалога суфиев с индуистскими учениями *бхакти*. Аудиторией описанного Е. Реутовым гибридного литературного продукта были как мусульмане, так и индуисты. Вне этой тесной, порой неразрывной сопряжённости обеих сторон историко-культурное взаимовлияние между ними не может быть адекватно понято и объяснено.

Личности и институты, рассмотренные в предлагаемых читателю главах, не менее тесно взаимодействовали с мусульманскими социумами (контекстами), в которых они существовали. Это взаимодействие принимало разные формы. Неоднозначное восприятие отдельными представителями мусульманского учёного сообщества суфийских доктрин показано в очерке К. Гасымова на примере полемического трактата Ибн Таймийи (ум. 1328). Гасымов ставит под сомнение расхожее представление о знаменитом ханбалитском проповеднике как непримиримом противнике суфийских идей и практик. Критикуя толкование суфизма одним суфийским автором (аль-Кушайри, ум. 1072), Ибн Таймийя опирается при этом на высказывания ранних суфийских подвижников, которые он истолковывает сообразно своим собственным представлениям о суннитском правосудии. Таким образом, подход Ибн Таймийи к суфизму отнюдь не был огульно негативным, как часто считают сегодняшние последователи этого влиятельного богослова.

Глубокая погруженность суфийских учителей и институтов в жизнь своих обществ в различные исторические эпохи показана в очерках Г. Камбарбековой, И. Г. Саетова и Д. В. Брилёва. Если очерк Камбарбековой освещает важную роль суфийских наставников братства Йасавайя (Ясавия) в формировании культурно-национальной идентичности казахского народа, то исследования двух последних демонстрируют одновременно актуальность суфийских организаций сегодня и их кардинальную трансформацию под воздействием новых политических и социальных реалий, а также в свете широкого распространения новых информационных технологий. Эти и другие исследования, собранные в

настоящем сборнике, служат хорошей иллюстрацией сложной динамики трансформации/сохранения традиции (в данном случае суфийской), о которой идет речь в процитированном в эпиграфе высказывании Г.-Г. Гадамера.

В отдельных мусульманских общинах, как показано в эссе К. П. Трофимовой, суфийское знание/опыт присутствует в верованиях и практике мусульманских общин крайне опосредованно, находя выражение в том, что исследователи, за неимением более адекватного определения, характеризуют как «народный» ислам, или же «народный» суфизм. Полевые исследования такого рода неизменно поднимают вопрос о правомерности использования термина «суфизм» по отношению к столь разным явлениям, как высокоинтеллектуальная метафизика Ибн [аль-]‘Араби (ум. 1240) или утончённая и полная сложных аллегорий поэзия Руми (ум. 1273), с одной стороны, и локальные культы и народные поверья, с другой стороны. Есть ли у нас основания рассматривать эти столь далёкие друг от друга явления в рамках категории «суфизм», или же это совершенно неправомерно? Хотя настоящая работа не даёт окончательного ответа на этот сложный вопрос, она, безусловно, предлагает ценный и оригинальный материал для его углублённого рассмотрения.

Проблема определения границ суфизма возникает при попытках исследователей осмыслить его в терминах европейского понятийного аппарата или придать ему желаемый идеологический оттенок. В статьях О. А. Яроша и А. Д. Кныша рассматриваются, соответственно, идейное наследие суфизма в категориях западных философских дискурсов, а также стремление некоторых мусульманских и западных учёных втиснуть его в концептуальные рамки западной философии и общественных наук. Очерк С. А. Нестеровой, напротив, выявляет поразительную созвучность идей Джалал ад-дина Руми современным западным представлениям о природе и функциях языка и о семиотике, что, по мнению исследовательницы, говорит о сохраняющейся актуальности его наследия в наши дни. Можно ли считать Руми в какой-то мере предтечей таких выдающихся западноевропейских умов, как Ж. Лакан, К. Леви-Стросс, Г.-Г. Гадамер или Л. Витгенштейн, задаётся вопросом автор?

В то же время, как показывает исследование В. В. Цибенко о неосуфийском братстве *хакканийа-раббанийа*, под воздействием западной массовой культуры и, в особенности, новейших информационных технологий и медийного пространства традиционные суфийские идеи и институты претерпевают причудливую трансформацию. Избирательно отказываясь от некоторых неактуальных форм сообщества и передачи суфийского знания в пользу новых, более созвучных запросам современного человека, суфийские общины оказываются вполне конкурентоспособны на современном «рынке» духовных и интеллекту-

альных услуг. Похожие выводы содержат уже упоминавшиеся исследования И. Г. Саеова (на примере турецких «неоджамаатов») и Д. В. Брилёва (на примере суфийских братств современного Египта). Все три автора подчёркивают способность суфийских общин и отдельных суфийских лидеров творчески и неординарно отвечать на вызовы времени, активно пользуясь при этом новейшими информационными технологиями для социализации и мобилизации своих последователей, а также для расширения их круга как внутри, так и за пределами мусульманского мира.

Обобщая наблюдения, сформулированные авторами перечисленных выше очерков, можно сделать следующие выводы. **Первое:** суфийский опыт и суфийское знание, сохраняемые и передаваемые посредством текстов, поведения суфийских наставников и их учеников, а также в рамках и при содействии суфийских институтов, постоянно подвергаются переосмыслению. Анализ того, как именно и почему это происходит, а также кто конкретно участвует в этом переосмыслении и реинтерпретации, даёт ключ к пониманию роли религии в обществе в целом и, в особенности, тех её аспектов, которые принято считать «мистическими». **Второе:** изучение суфизма имеет не просто научную или «архивную» ценность. Суфизм в его многочисленных проявлениях и сегодня остаётся кладезем духовной культуры, которая обогащает и углубляет («эстетизирует») мировосприятие и самоощущение современного человека независимо от его вероисповедания и идейных убеждений. Суфийские «находки» на пути поиска истины и смысла жизни сохраняют свою актуальность и ценность и по сей день. Для значительной части мусульман суфийское наследие служило и служит источником самоидентификации в пределах определенной духовно-практической традиции, что крайне важно в условиях «исламского многоголосия» и наличия широкого диапазона возможных идейных и духовных привязанностей. В конечном итоге соприкосновение с опытом самопознания и самосовершенствования, накопленным суфийскими визионерами, поэтами, подвижниками-аскетами и философами, открывает перед современным человеком новые творческие перспективы для конструирования своего особого, неповторимого «я». Познавая и интерпретируя богатое наследие суфизма, человек избавляется от духовного, эстетического и интеллектуального «невежества», обретая в процессе своих исканий свободу и знание для более полного самопознания и самореализации в этом сложном, противоречивом и непостоянном мире.

А. Д. Кныш